

А.А. Никифорова (Москва, Россия)

Герои «Дома у Старого Пимена» М. Цветаевой как архетипы К.Г. Юнга

Аннотация: В статье рассматриваются герои лирического эссе Марины Цветаевой «Дом у Старого Пимена» в их отношении к архетипам К.Г. Юнга. В образах четырех главных героев: Дмитрия Ивановича Иловайского, Александры Александровны Коврайской и их детей Сережи и Нади – отразились архетипы Мудрого Старца, Матери, Анимуса и Анимы соответственно. Два первых архетипа раскрываются в своей амбивалентной природе (и с положительной, и с отрицательной стороны). В этом проявляется главенство образов Иловайского и Коврайской над образами детей, что отражает сложные отношения внутри этой части семьи Марины Цветаевой.

Ключевые слова: М.И. Цветаева, «Дом у Старого Пимена», архетип, К.Г. Юнг

A.A. Nikiforova (Moscow, Russia)

Characters in M. Tsvetaeva's "The House at Old Pimen" as C.G. Jung's Archetypes

Abstract: This article is meant to study the characters of Marina Tsvetaeva's lyrical essay "The House at Old Pimen" through the prism of Carl Jung's archetypes. Four main characters, Dmitriy Ilovaysky, Alexandra Kovrayskaya and their children, Serezha and Nadya embody the archetypes of the Wise Old Man, the Mother, the Animus and the Anima, respectively. The ambivalent nature of the first two archetypes (both their positive and negative sides) is revealed. This aspect shows the authority of the characters of Ilovaysky and Kovrayskaya over their children, which helps to shed light on the complicated relationship between the members of this part of Marina Tsvetaeva's family.

Key words: Marina Tsvetaeva, "The House at Old Pimen", archetype, C.G. Jung

Изучение психологических аспектов художественного произведения представляется весьма актуальным для современного литературоведения. Ярким примером влияния психологии на теорию литературы можно считать заимствование понятия «архетип», которое было впервые введено в науку основателем психоаналитического подхода К.Г. Юнгом.

Согласно литературной энциклопедии терминов и понятий под редакцией Николокина, архетип – «обозначение наиболее общих и фундаментальных изначальных мотивов и образов, имеющих общечеловеческий характер и лежащих

в основе любых художественных структур»¹. Из этого определения следует, что архетипы можно найти и проанализировать в любом художественном произведении с устойчивой системой персонажей. Такими произведениями, как следовало бы ожидать, чаще становятся прозаические тексты, однако и в лирических произведениях, особенно включающих семейный план, можно усмотреть архетипические составляющие героев.

Примером такого произведения можно считать автобиографическое эссе Марины Ивановны Цветаевой «Дом у Старого Пимена». Финская исследовательница Ханна Рууту в статье ««История и миф в “Доме у Старого Пимена” Марины Цветаевой» говорит, что в этом произведении стирается различие между прошлым и будущим, синтезируется единый миф². Именно это единство необходимо для распознавания архетипов: «[Архетип], будучи, по сути, не самим образом (или мотивом), но его “схемой”, обладает качеством универсальности, сопрягая прошлое и настоящее, всеобщее и частное...»³.

Это произведение состоит из двух не равных по объему частей: «Дедушка Иловайский» и «Дом у Старого Пимена». Вторая часть в свою очередь разделяется длинными тире (как об одном из них пишет сама Цветаева: «Большое тире. Тире длиною в шесть лет: всей войны и начала Революции. Тире, заполненное для Иловайского потерей всего его мира»⁴). В этой монтажной композиции раскрываются четыре главных образа: Дмитрий Иванович Иловайский (отец первой жены Ивана Владимировича Цветаева, Варвары Дмитриевны), Александра Александровна Коврайская (вторая жена Д.И. Иловайского) и их дети Сережа и Надя. Очевидно, что фигура Д.И. Иловайского превосходит все остальные по значимости для лирического сюжета, располагается над ними. Цветаева сравнивает его с мифическим Хароном: «Иловайский мне ныне предстает в виде Харона, перевозящего в ладье через Лету одного за другим – всех своих смертных детей». Его образ будет нами рассмотрен чуть позднее.

Следующим в семейной иерархии предстает мать – Александра Александровна. Ее образ наделен прежде всего мрачными чертами: она, молодая, но «нелюбящая» красавица, выходя замуж за пожилого Иловайского, буквально жертвует своей жизнью («А.А. никогда не жила»), маниакально погружается в управление домом, в быт, не может простить дочерям Наде и Оле их молодость и живость и принимает страшную смерть в одиночестве, среди сундуков с вещами и тканями, от рук грабителей. Однако ее образ амбивалентен: так, она с нежностью относится к единственному сыну, а позже и к маленьким Марине и Асе (Анастасии Цветаевой). Обеим девочкам она дарит книги с дарственными надписями. Цветаева говорит об установившейся между ними особенной связи – между «матерью без детей» и «детьми без матери».

Очевидно, что фигуре Александры Александровны соответствует архетип матери, но его природа здесь нетривиальна. Мы привыкли видеть этот архетип в положительном свете: мать как хранительница домашнего очага, мудрая, заботли-

¹ Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина; ИНИОН РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. Стб. 59–60.

² Эта мысль со ссылкой на работу Ханна Рууту высказывается в следующей работе: *Галинская И.Л.* Мифопоэтический мир Марины Цветаевой // *Культурология*. 2005. № 2(33). С. 42.

³ Литературная энциклопедия терминов и понятий. Стб. 60.

⁴ Здесь и далее текст приводится по изданию: *Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 5: Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. С. 104–141.

вая, восходящая к образу Богородицы. Однако в статье «Психологические аспекты архетипа матери»¹ К.Г. Юнг как раз говорит о неоднозначной природе этого архетипа: символом матери может быть «практически все, что вызывает у нас любовь или чувство благоговения – церковь, университет, город, страна, небо, земля»², но эта символика амбивалентна: «Злыми символами являются ведьма, <...> могила, саркофаг, глубокие воды, смерть...»³. Таким образом, в Александре Александровне воплощается архетип матери в его двойной природе.

Далее стоит перейти к образам детей, Сереже и Наде. Их уместно рассматривать вместе: «Из всей группы безусым был только Сережа, неизменная пара всех Надиных превращений: Май всех ее Весен, Царевич – Красавиц». Без предисловий позволим себе обозначить, что Сережа и Надя являются архетипами Анимуса и Анимы соответственно. Как известно, Анимус – это воплощение мужского начала в женской фигуре. Таким становится Сережа для своей матери: Цветаева описывает его как скромного и тихого молодого человека, но не «маменькиного сынка», а «сына матери». Его портретные черты лирическая героиня Цветаевой усматривает в Александре Александровне после смерти Сережи, и именно с его образом связана положительная сторона архетипа матери в образе Александры Александровны.

В противоположность Анимусу Анима должна пониматься как женское начало в мужской фигуре, однако главный мужской персонаж – Дмитрий Иловайский – самодостаточен, заключен в себе самом, хотя лирическая героиня отмечает, что впервые видит дедушку Иловайского плачущим на похоронах Нади. В статье «Об архетипах с особенным вниманием к понятию анимы»⁴ К.Г. Юнг приводит многочисленные варианты толкования этого архетипа. Так, в китайской философии анима рассматривается как женская и хтоническая часть души. Образ Нади тесно связывается с душой самой лирической героини: «Но, когда перехожу к “Invitation à la valse”, сердце не выдерживает и, не обрывая игры, в лад педальному нажиму: “Надя! Надя! Надя!” – сначала мысленно, потом шепотом, потом вполголоса... <...> Нади я не увидела никогда, как ни зывала, как ни умоляла, как ни подстерегала – на всех коридорных поворотах оборотом головы жирафа на каждый мнящийся шум, шумок <...>». Исходя из этого, можно заключить, что Надя становится одной из составляющих женской части образа лирической героини.

Перейдем к заключительной и самой важной фигуре текста – Дмитрию Иловайскому. Его образ глубоко мифологизируется Цветаевой: она сравнивает его с пожирающим своих детей Хроносом («Хронос должен пожирать своих детей»), с Зевесом («Гнет родителей – был, но гнет – исполнительный: подневольный. (Не забудем, что и над Зевесом – рок.)»), с названным выше Хароном. Иловайский упоминается в возрасте 91 года (биографическая неточность: Дмитрий Иловайский умер в 87 лет), об обстоятельствах его смерти лирическая героиня ничего не знает. Он производит тяжелое впечатление: своей физической тяжестью (волочащиеся за ним полы шубы, которую он носил в мае), своим авторитетом (заставляет внука Андрея пересказывать журнал «Кремль») и одновременно равнодушием (не помнит, кому из сестер сколько лет). Однако он проявляет дружеское участие в общении с Иваном Владимировичем и, что особенно удивительно, в общении с

¹ Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: Изд-во АСТ, 2020. С. 151–215.

² Там же. С. 162.

³ Там же. С. 163.

⁴ Там же. С. 109–149.

Марией Мейн, которую воспринимает как «заместительницу в сердце его единственного друга его любимой дочери».

С образом Дмитрия Иловайского логично соотнести архетип мудрого старца. Однако здесь возникает тот же вопрос, что и с архетипом матери: ассоциации с ним в основном положительные. В одной из своих лекций Юнг для объяснения архетипа мудрого старца приводит сон студента-теолога о двух магах, белом и черном¹: студент долго слушает рассказ белого мага, из которого не понимает почти ничего, затем приходит черный маг и рассказывает свою историю. В стране, откуда пришел черный маг, старый король, почувствовав, что приближается смерть, решил найти себе самую лучшую гробницу. Среди всех гробниц он выбирает ту, в которой, по легенде, похоронена девственница. Но после вскрытия гробницы из нее выскакивает черный конь и убегает в пустыню. Черный маг отправляется за ним и находит потерянные ключи от рая. Ключи в данном случае – символ сущности веры. Черный маг приходит к белому за советом, потому что не может разобраться, что делать с этими ключами. В таких же духовных поисках находился и Дмитрий Иловайский как выдающийся ученый, историк. Два мага отражают две стороны образа Дмитрия Ивановича: белый маг – его человеческая сторона, как дедушки и отца; черный маг воплощает Иловайского как человека науки, находящегося в поиске истины.

Проанализировав четыре названных выше образа с точки зрения их функционирования внутри текста эссе «Дом у Старого Пимена», можно заключить следующее: образы Дмитрия Иловайского и Александры Коврайской, отца и матери, амбивалентны и, таким образом, своей полнотой подавляют образы детей, находятся над ними. Это поддерживается и пространством самого дома: комнаты родителей в доме располагались наверху – Сережа и Надя жили внизу. Обычно все происходит наоборот: дети сбегают от родителей наверх, однако в этой семье детям бежать было некуда. Такая иерархия образов дополняет рассказы о сложных межличностных отношениях между членами семьи Иловайских.

ЛИТЕРАТУРА

Галинская И.Л. Мифопоэтический мир Марины Цветаевой // *Культурология*. 2005. №2(33). С. 38–46.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 стб.

Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. М., 1994. 136 с.

Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5: Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. 720 с.

Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное / [Пер. с нем. А. Чечиной]. М.: Изд-во АСТ, 2020. 224 с.

REFERENCES

Galinskaya I.L. Mythopoetic World of Marina Tsvetaeva. *Culturology*. 2005. No2(33), pp. 38–46.

Jung C.G. (2020) Die Archetypen und das kollektive Unbewusste / [Transl. from German by A. Chechina]. Moscow. AST Publ. 224 p.

¹ Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: Изд-во АСТ, 2020. С. 66.

Meletinskiy E.M. (1994) *About Literary Archetypes* / Russian State University for the Humanities Press. Moscow. 136 p.

The Literary Encyclopedia of Terms and Conceptions / Compil. by A.N. Nikolyukin. Moscow. SPC "Intelvak" Publ. 2001. 1600 cols.

Tsvetaeva M. *Collected Works: In 7 vols. Vol. 5: Autobiographical Prose. Articles. Essays. Translations* / Compil., prep. and comment. by A. Sahakyants and L. Mnukhina. Moscow. Ellis Lak Publ. 1994. 720 p.

Сведения об авторе:

Александра Андреевна Никифорова,
студентка
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexandra A. Nikiforova,
Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
aanikiforova16@mail.ru